

Наталья Тавричина

Наша
жизнь

Книга Натальи Гаврилиной — это дневниковые записи, которые она вела в течение почти сорока лет, прожитых рядом с мужем, великим композитором XX века Валерием Гаврилиным.

Эти записи, которые велись с большими перерывами, доносят до нас рассуждения Валерия Александровича о тех или иных событиях, оценку проходящего в мире и стране.

Краткие дневниковые записи дополнены автором при работе над книгой.

ISBN 978-5-7379-0783-9

9 785737 907839 >

Наталия ГАВРИЛИНА

Наша жизнь
(по дневникам и не только)

Издательство «Композитор • Санкт-Петербург»
2014

Предисловие

Наверное, я бы никогда не собралась написать эту книгу, если бы многие люди, прочитавшие сборник воспоминаний о Валерии Александровиче «Этот удивительный Гаврилин...», не задавали мне один и тот же вопрос: «А где твои (Ваши) воспоминания?» Что можно написать, когда каждый день что-нибудь вспоминаешь? И тогда я подумала: не помогут ли мне мои дневники, которые я вела, правда, иногда с перерывами, в течение нашей с Валерием жизни? Я записывала в основном то, что касалось Валерия: его высказывания, наши разговоры на темы, которые его волновали, события, значимые для него. Но порой даже значительное записывалось очень кратко или не записывалось вообще, поэтому многое я дополняла сейчас. Такие вставки выделены другим шрифтом.

Может возникнуть вопрос: а зачем нужно было записывать в дневник рассуждения Валерия, когда можно было воспользоваться магнитофоном, позже — и диктофоном? Валерий ни за что бы не разрешил это сделать. Даже когда я только намекнула, что неплохо было бы записать его, когда он играет, это вызвало такое возмущение, что мне все стало ясно: пиши, как писала.

Не раз Валерий говорил мне: «А ты что думаешь — что я стою на месте, не пересматриваю своих взглядов на те или иные явления, на людей? Взгляды могут со временем меняться». Возможно, и сейчас они были бы другими. Думаю, читатели это поймут.

В нашей жизни много было людей, которые проявляли к нам искреннее участие, стремление помочь и помогали. Не всех, может быть, я упомянула, пусть не будут в обиде.

Возвращение в Ленинград

В июле 1956 года я вернулась в Ленинград. Три года после окончания университета я работала учителем истории в железнодорожной школе на станции Медведево Калининской области, и теперь мне нужно было устроиться на работу, но учителя истории нигде не требовались.

Мои бесконечные, бессмысленные, безрезультатные хождения с июля по октябрь в роно и гороно¹ и в разные школы привели меня к самому ужасному решению, которое только можно было тогда принять: я решила пойти на комсомольскую работу — не могла же я сидеть на шее у мамы и бабушки! Мне помогли друзья по университету, и я согласилась быть освобожденным секретарем Кораблестроительного техникума. И вот я уже в кабинете директора техникума, назначаем день комсомольского собрания, уже сняли помещение клуба фабрики «Красный Октябрь» для его проведения. Моей соседкой по квартире была Раиса Иосифовна Середа, которая работала хормейстером в Специальной музыкальной школе-десятилетке при консерватории. Мы жили с ней в одной квартире с 1944 года и были очень дружны; она знала меня еще девчонкой и всегда близко к сердцу принимала все, что касалось моей судьбы. В это самое время, зная мои мучения по трудоустройству, она мне и говорит: «А ты не пошла бы работать воспитателем в интернат в нашу школу?»

Что делать? Я уже дала согласие в техникуме, а здесь — работа с ребятами, то, что мне по душе, к чему я уже привыкла за три

---

¹ Рено, горено — районный и городской отделы народного образования.

года в школе. И я решила пойти работать в интернат. Но Раиса Иосифовна предупредила, что всё зависит от заместителя директора по административно-хозяйственной части Евгения Васильевича Юдина и что мы должны пойти к нему на прием. Раиса Иосифовна, женщина с большим вкусом, приложила много старания, чтобы я выглядела хорошо и произвела нужное впечатление на грозного Юдина. Не без волнения шли мы на «смотрины», через несколько дней Раиса Иосифовна сообщила мне, что на работу в интернат меня берут и я должна явиться к директору школы Владимиру Германовичу Шипулину. Радости моей не было предела!

Теперь для меня наступил самый неприятный момент — нужно было отказаться от работы в техникуме. Я понимала, в какое положение ставлю директора. Пришлось просить прощения за то, что так его подвела, но иначе поступить я не могла.

Впоследствии Раиса Иосифовна говорила: «Вот видишь, не согласись ты тогда — и не встретила бы „своего“ Гаврилина». Как не верить в Божье пророчество и судьбу?!

1956 год

22 октября

Я пришла на работу в интернат Специальной музыкальной школы-десятилетки при консерватории.

Первое знакомство с интернатом. В моем представлении это должно было быть светлое, красиво обставленное помещение. А моим глазам предстала довольно плачевная картина. Комнаты большие, но теснота жуткая, на кроватях покрывала грязно-розового цвета, накидки на подушках какие-то серые, застиранные. Шкафы все исцарапанные, не закрываются, некоторые даже не похожи на шкафы — без полок, без гвоздей. Как вешать одежду? На окнах ни цветочки. На столах грязные kleenки. Тумбочки хуже, чем в самой захудалой больнице.

В первый день все ребята были для меня на одно лицо. Почему-то запомнился только Нурик Оразов — маленький черненький мальчишка, у которого брюки были спущены ниже поясницы.

Днем ко мне подошел воспитатель А. И. Долгих и сказал, что мне поручается выпуск интернатской стенгазеты. «Этим

занимается воспитанник Гаврилин, найдите его и договоритесь». Я стала выяснять, где его можно найти. Кто-то из ребят невзначай бросил: «Спросите у Короля, он знает. Да вот он стоит». Что за странная фамилия! Подхожу к Королю — тут же выясняется, что это не фамилия, а прозвище, и зовут его Витя Никитин. Спрашиваю, где найти Гаврилина. «А-а, Великий, вам нужен Великий». Я поняла, что это прозвище Гаврилина, и говорю: «Не знаю, великий он или нет, но он мне нужен». Тогда Витя-Король назвал приметы, по которым можно его узнать: волосы черные, вьющиеся, носит очки, голова в плечах. «Но вы его сейчас не найдете: он на этажах». Значит, в одном из свободных классов школы. Я уже знала, что до школьных занятий и после них воспитанники интерната занимались специальностью «на этажах».

Целый день я знакомилась с детьми, с интернатом. Вечером поднимаюсь по лестнице, чтобы из классов отправить ребят спать в интернат, а навстречу мне спускается — я его сразу узнала по описанию — Гаврилин.

— Вы Гаврилин?

— Я. А что? — смотрит так испуганно, глаза круглые-круглые.

— Мне сказали, что вы занимаетесь стенгазетой в интернате.

— Нет, нет, не буду я больше ею заниматься.

Так состоялось наше знакомство.

А такая бурная реакция на мой вопрос, как потом выяснилось, объяснялась вот чем. Он и его друзья по интернату выпускали газету «Музыкальная жизнь», где резко критиковали то, как эта «музыкальная жизнь» у них организована. Начальству это не понравилось, и «стенгазетчикам» здорово попало, а отсюда такое категорическое «нет».

Валерий Гаврилин
в девятом классе. 1957 г

Но газету мы потом все-таки возродили, о чём он записал в школьной записной книжке: «Газета. Встретил живую поддержку. Первый номер газеты вышел в понедельник, перепечатана на машинке 30 апреля 1957 года. Редактор: Горелик. Редакция: Симонов, Сигитов, Гаврилин, Тарасенко. Второй номер — 20 мая».

19 ноября

Самое трудное в работе — уложить вовремя спать старших. Здесь можно действовать как угодно: упрашиванием, угрозами, но результат один: не засыпают раньше одиннадцати или половины двенадцатого. Ребята-старшеклассники, вернее десятиклассники, резко отличаются от других старших. Во-первых, тем, что находятся в привилегированном бытовом положении — у них отдельные комнаты. Во-вторых, позволяют себе то, что другие не позволят, — слишком вольное обращение

с воспитателями. Особенно отличаются двое: Борис Кудрявцев и Юрий Темирканов. У последнего самомнения хватит на весь мир. Вот, например, разговор о кинофильмах:

— Видели «Человек родился»? Замечательная картина.

— Темирканову редко нравятся фильмы. Темирканову пока нравятся только три фильма. Знаете какие? «Белоснежка», «Мост Ватерлоо» и эта — «Человек родился».

21 ноября

Гаврилин:

— Наталия Евгеньевна, вы принесли предсмертное письмо Маяковского?

— Да.

— А вы из подлинника переписывали?

— Нет.

Прочитал. Внимательно перечитал еще раз.

— Дадите мне переписать, ладно? Я очень хочу переписать себе.

27 ноября

Вечер, около двенадцати. Большинство мальчиков еще в учебной комнате. Гоню спать. Пошли, поднялись наверх. Через некоторое время с четвертого этажа слышится шум, смех. Выскочила нянечка. Что такое? Вижу возбужденные лица ребят, округленные и без того круглые глаза Гаврилина. Он стоит у стены, зажав в руках чью-то рубашку и курточку. Мелькнула мысль: не избили ли кого? Направляюсь в комнату. И над самым ухом шепот Гаврилина:

— Ради бога, Наталия Евгеньевна, тише. Ну хоть пять минуточек.

— Что здесь происходит?

— Мы разбудили Белодубровского и сказали ему, что уже утро. Ну пусть он выйдет и пойдет мыться.

Такие были умоляющие глаза у ребят, что разрешила им эту невинную, как мне тогда казалось, шутку. Белодубровский вышел, поздоровался со мной и направился вниз. Тут перед ним фланировал Белоконь в брюках с подтяжками, Малинов сладко потянулся. Когда Марк Белодубровский пришел в умывалку, то он все понял. Невозможно было без смеха смотреть на всю эту картину. Все хотели. Это-то больше всего и возмутило «пострадавшего». Он решил, вопреки здравому смыслу, помыться, почистить зубы и пойти заниматься на этаж. Дальнейшее решение было принято со здравым смыслом — написать докладную директору, не без помощи нянечки. Докладная была написана утром и направлена через нянечку директору. Пришлось объясняться. Но что творилось с ребятами, когда они узнали, что докладная написана! Провела с ними специальную беседу, чтобы они не устроили ему «смертный бой».

1957 год

18 апреля

Валерий Гаврилин на набережной реки Мойки

Большую часть своего дежурства провожу в обществе Валерия Гаврилина. Это 17-летний мальчик невысокого роста, черноволосый; закругленный овал лица, круглые глаза, очень округленный рот, очки. Но вся эта округлость его лица не портит общего приятного впечатления. По специальности он теоретик, но мечтает о композиторской деятельности. Этот год для него наиболее плодотворный: написал квартет, сонату для фортепиано. Пишет музыку к балетной сюите «Клоп» по Маяковскому. Со всей страстью юности влюблен в Шостаковича, ему поклоняется и только в нем видят гения.

Вообще это очень интересный мальчик, да, собственно, мальчиком его уже не назовешь. Он очень умен для своих 17 лет. Очень хорошо знает русскую классическую литературу. Читает без конца. До всего старается дойти сам, познать истину самостоятельно. Преклоняется перед гением Толстого: «Гениальное „Войны и мира“ и „Крейцеровой сонаты“ ничего нет». Очень любит Чехова, способен цитировать целыми кусками Маяковского, особенно «Клопа» и «Баню». Сам пишет рассказы и стихи, но в них много «зазути» и недостает простоты. Но выдумки — хоть отбавляй. Вообще это самый интересный человек в интернате: с ним о многом можно говорить, порой даже бывает страшновато, так как память у него молодая, свежая, цепкая — всё помнит. А ведь уже многое забыто, многого даже и не знаешь из того, что он знает. Но в суждениях о жизни, о людях очень скор на выводы и непримирим. Особенно к девчонкам. Мне думается, потому, что они его не жалуют. Он сказал на днях: «Я влюблуюсь часто, но в любви не объяснялся ни разу». Весь мир у него делится на «умных», которых он уважает и с которыми считается, и на «неумных», которых он презирает.

Последнее время стал расточать похвалы моему уму и «комplimentы» такого рода: «Наталия Евгеньевна, вы слишком мужчина. Вы не выйдете замуж, потому что умны. А женщина должна быть с глупинкой. У вас мужской ум, и сейчас нет молодых людей вашего возраста умнее вас». Я от души смеялась, убеждая его в обратном, но он остался при своем мнении.

Особой любовью и уважением в школе пользовалась учительница литературы Неля Наумовна Наумова. В интернате только и слышно было от Гаврилина: «А Неля Наумовна сказала»; «А Неля Наумовна считает так» — все это касалось литературы. Особый день был, когда Неля Наумовна приходила в интернат вести литера-

турный кружок. Все приходило в движение: Валерий сам ставил стулья в учебной комнате задолго до ее прихода, а потом начиналось нетерпеливое ожидание: по несколько раз выбегал на лестницу посмотреть, не идет ли она. И наконец восторженным шепотом: «Идет, идет!» И вот занятия начинались. И не дай бог кто-нибудь решится пройти во время этих занятий через учебную комнату (а двери двух спален выходили именно сюда) — Валерий налетал на него разъяренным зверем. Он оберегал эти занятия, как верный страж.

Любимейшим педагогом по фортепиано была Елена Самойловна Гугель. «...И сейчас я помню все ее уроки, и вся моя музыкальная работа до сих пор во многом движется тем, что она мне дала, — от всей души, от своей неповторимой творческой и человеческой индивидуальности. <...> Ее вера создала и спасла во мне музыканта — ведь я был подростком, да еще с плохим характером. <...> И пока я буду работать, во мне будет трудиться и мой замечательный учитель — Елена Самойловна», — вспоминал Валерий о своем любимом педагоге. А Елена Самойловна в беседе с музыковедом из Казани Татьяной Виноградовой так говорила о своем ученике: «Уже на первом прослушивании этот четырнадцатилетний деревенский мальчик заметно выделялся среди других одаренных ребятишек, привезенных в специальную музыкальную школу. Так, в исполнении простенькой сонатины Клементи удивлял необыкновенно живой, трепетный, как бы вибрирующий звук, поражало умение найти особое звучащее прикосновение, самую „сердцевину“ звука. Я не переставала удивляться, как в таком раннем возрасте человек может с такой силой зажигаться святым огнем искусства, по-взрослому глубоко переживая свои впечатления. Занятия с ним были на редкость интересны и всегда неожиданны. Я сознательно воспитывала его на классике, но все же старалась проходить как можно больше разнообразных сочинений различных стилей».

10 мая

Позади майские праздники. Теперь они прошли неинтересно, работала и 1-го, и 2-го днем, и в ночь со 2-го на 3-е. А 30 апреля в интернате был торжественный ужин. Как всегда, все организовано впопыхах и второпях. До последнего момента где-то пропадала Татьяна Павловна Дубровская, старший воспитатель, — прибежала запыхавшаяся, растрепанная. Не знает, за что раньше хвататься: то ли чулки новые натягивать, то ли новости выслушивать, то ли в столовую бежать — отдавать распоряжения. «Грохнула» она застольную речь, как говорят воспитанники, и пожелала им быть такими же культурными, какими они являются сейчас. А до культуры-то ой как еще далеко!

Воспитанники, как всегда, с жадностью и молниеносной быстротой все поели — и врассыпную, кто куда. Некоторые очень торопились, но все-таки ужина дождались, дабы не пропал.

После Мая в 9-й комнате, где живут мальчишки 7–9-х классов, вдруг заболели вирусным гриппом шесть человек. Температура высокая, ходят, как сонные мухи, а через день еще обморох у Виктора Никитина. Отправили в больницу. На следующий день больных стало уже десять, а через день — пятнадцать. В итоге изолятор полон, 9-я комната превращена тоже в изолятор. Пока была температура, они лежали, но когда она у них спала, началось воспитательское мучение. Им нельзя было выходить из комнаты-«изолятора», чтобы не разносить заразу, а они бегали по лестницам, и заболевали новые воспитанники. И я не убереглась, так как все время находилась в гуще этих больных.

А сегодня уже звонил «верный рыцарь» — Гаврилин. «Я слышал, что вы больны. Выздоровливайте, пожалуйста, скорее. Я жажду вас видеть». Смешной мальчишкой! А совсем недавно обвинил меня в «ребячестве». Это по поводу того, что я не захотела с ними разговаривать, когда они мне нахамили. Потом, правда, прощения просили — не ожидала.

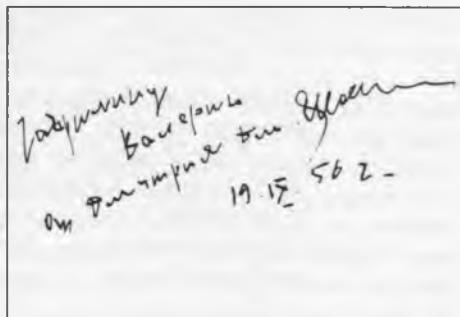
В интернате за дежуркой (так называлась комната воспитателей) была маленькая темная комната — кладовка. Там стояла на полке купленная старшими ребятами в рассрочку старенькая радиола. Помещаться в этой кладовке с трудом могли три-четыре человека, причем стоя. Эта комната служила и фотолабораторией, и «залом» для слушания музыки. Завсегдатаями этого «зала» были Валерий Гаврилин, Вадим Горелик, Сергей Сигитов и Геннадий Банщикков. Когда они слушали музыку, мы, воспитатели, не имели права им мешать, то есть открывать дверь в кладовку. В основном слушали симфонии Шостаковича и других композиторов, но была еще одна любимая пластинка: когда ее ставили, открывали дверь, чтобы могли слушать и воспитатели, и ребята — все, кто находился в это время в дежурке. Это была маленькая пластинка Георга Отса. И чаще всего звучали две песни: «Мы с тобою не дружили...» и «Не могу я тебе в день рождения...». Были и еще любимые — «Где ж ты, мой сад» Мокроусова и «Услышь меня, хорошая» Соловьёва-Седого.

Но, конечно, совершенно особое отношение у них было к Шостаковичу. Он был их кумиром. «...Мы буквально молились на его каждую ноту», — скажет потом Валерий. Он и Вадим всегда знали, когда Дмитрий Дмитриевич приедет в Ленинград, для этого специально познакомились с сестрой Шостаковича Марией Дмитриевной. Недаром Валерий записал: «*Видел Шостаковича семь раз, девять*

раз шел за ним следом, пять раз здоровался за руку». Вот в один из таких «разов», преодолев робость и стеснение, он и попросил у Шостаковича фотографию на память. И Дмитрий Дмитриевич сделал ему такой дорогой подарок с надписью: «Гаврилину Валерию от Дмитрия Дм. [Подпись]. 19 IX 56 г.».

Фото Д. Д. Шостаковича
с дарственной надписью

Даже внешне Валерий старался походить на Дмитрия Дмитриевича — в походке, в манере говорить. И первым большим портретом, появившимся в кабинете Валерия, был портрет Шостаковича работы художника В. Ефимова.

О том, что значил Шостакович для них, еще не сложившихся музыкантов, и потом, на протяжении всей жизни, Валерий сказал так: «Мы незримо ощущали на себе его контроль совести. Все время было такое: а что скажет он, а что он подумает? А если ты его увидишь, то как он на тебя посмотрит или ты на него посмотришь? Все время старались „чистить себя“ под этим человеком, и когда его не стало, то какая-то сразу темнота образовалась, и пошли вдруг другие великие, выдающиеся стали. <...> Не стало горы, и тогда всякие холмики, кочки стали выдающимися. И это ужасно плохо, когда нет такого пламени, как Дмитрий Дмитриевич».

3 июля

Еще один год работы остался позади. Как всегда, привычно подвожу итоги. Что дал мне этот год? Сказать, что ничего, было бы неправильно.

Я узнала, что представляют собой «особые» ленинградские школьники, и научилась с ними ладить. Пожалуй, и всё. А сделала ли я что-нибудь полезное, нужное на своей работе? Нет. Я не сумела, вернее, даже не пыталась провести какое-нибудь

мероприятие, нужное для ребят. Я только намечала «грандиозный» план работы с группой, у меня был 7-й класс, но дальше этого ничего не двинулось. Поплыла по течению, пытаясь как-то вывернуться, а потом предоставила все ходу событий. Советом интерната сначала занялась — бросила, семинар комсоргов поручили провести — не провела, начала дело с редколлегией, выпустила с ребятами одну газету — дальше дело не пошло. А некоторые вещи шли просто мимо меня: культпоходы в театр, организация фотолаборатории, рождение музыкальной газеты — инициатором последних двух дел был Валерий Гаврилин. Все было оставлено на будущий год. А что он принесет?

Говорила с Елизаветой Мартыновной Саркисян, завучем школы по общеобразовательным предметам, относительно преподавания истории — пока ничего не выходит.

Будут изменения в составе воспитателей: некоторых собираются уволить. Татьяну Павловну с должности старшего воспитателя снимут в любом случае. Собираются внести изменения и в структуру интерната. Будет не старший воспитатель, а заведующий интернатом. Не знаю, будет это лучше или нет.

17 августа

Уже два дня работаю, хожу даже по два раза в день в интернат, но толку пока от этого немного. Видела Юдина, заместителя директора. Он заявил, чтобы я приступила к хозяйственным делам, руководила той рабочей силой, которая там трудится. Но вот эту-то «рабочую силу» я и не могу найти. Я должна все эти работы форсировать, но пока ничего еще не сделала: что-то энергии не хватает. С понедельника возьмусь. Интернат стал красивым, чистым. Надолго ли? В спальнях ковры, на окнах красивые тяжелые шторы, закуплено новое постельное белье. В целом новый директор школы, Мария Константиновна Велтистова, уделяет интернату больше внимания, жалеет этих ребят, оторванных от дома и родителей, относится к ним по-матерински.

Узнала, кто поступил в консерваторию: Темирканов, Кудрявцев, Велидченко, Буянова, Бахтенков, Стендер.

27 августа

Приказом директора школы с этого дня я назначаюсь исполняющим обязанности старшего воспитателя интерната. У меня большая радость: получила три часа в неделю истории в 4-х классах. Совершенно случайно зашел об этом разговор с Марией Константиновной, а она поговорила с Елизаветой Мартыновной. Конечно, трудно придется мне на первых порах. Во-первых, дела с такой ребятней никогда не имела, во-вторых, курс очень оригинальный — вся история СССР до сегодняшнего дня за один час в неделю. Но ничего, как-нибудь управлюсь. А может быть, мне еще несколько часиков подкинут?

30 августа

Ура! Дали еще четыре часа в 5-х классах. Вот и осуществилась моя мечта! Но сейчас у меня голова идет кругом: не знаю, как все успеть. Главное — хорошо подготовиться к первым урокам. Это очень важно.

В интернате еще полная неразбериха. Ребята уже многие приехали. Много новых, в основном 5–6-й классы. Придется трудненько.

16 сентября

Эти 18 дней были совершенно сумасшедшими: работала по 12 часов в день и больше. Многое уже сделано, но сколько еще надо сделать!

Сегодня было «боевое крещение» — общее собрание воспитанников. Боялась страшно, что не явятся, как это было в прошлом году, но страхи были напрасными: явились абсолютно все, даже Белоконь и Малинов не заставили себя ждать. Слушали все внимательно. Как отнеслись к сказанному — не знаю, но кажется, что собрание понравилось. Провели его довольно быстро, четко, кроме выборов в совет интерната. Выбрали все-таки не тех, кого хотелось бы, но в общем совет интерната получился неплохой. Председателем был избран Юра Симонов. Теперь главное — наладить работу этого совета. Интересным было поведение А. И. Долгих на собрании. Несмотря на неоднократные просьбы выступить, он отказывался. Решил выступить после выборов и «выступил»: пожелал хорошей работы и т. д. и т. п. Гром аплодисментов. А он не понял, какие это были «апплодисменты», и принял всё за чистую монету. Работать с ним трудно. Формально к нему не придерешься, а фактически все осталось по-прежнему: подхода к ребятам у него нет, поэтому нарывается все время на грубости с их стороны. А на собрании он просто струсил: говорил, что будет добиваться исключения Юры Кирейчука, а сам ни слова об этом не сказал.

23 сентября

Настроение препаршивейшее. Испорчено оно из-за заседания совета интерната. На заседании Юра Симонов сразу же начал проводить какую-то непонятную линию, его поддержал и Гаврилин. Вскоре стало ясно, что это Александр Иванович так их сумел «обработать». Много было неприятных моментов, иронических замечаний в мой адрес. Не могу себе простить одного: я им показала, что меня все это очень волнует и раздражает.

В итоге — я вчера специально приехала в интернат на полтора часа раньше, чтобы составить план работы, но Симонов не явился, хотя был на этаже. Еще одна пощечина.